

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

Теория справедливой войны.

Этические аспекты

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-7-38

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Доктрина справедливой войны: реликт прошлого или актуальность?

Дж. Томас

Международное общество военной этики в Европе, Гер, Франция

Аннотация

В статье рассмотрена проблема актуальности доктрины справедливой войны применительно к современным конфликтам. Доктрина справедливой войны, восходящая к каноническому праву западного христианства, предполагает, что злу можно противостоять силой, если нет альтернативного способа восстановления справедливого порядка. Но современные тенденции ставят под сомнение определенность и универсальность этой доктрины. С одной стороны, идеи морального релятивизма и сравнительной справедливости получили широкое распространение, потенциально пресекая употребление понятий «справедливый» и «оправданный» в отношении военных конфликтов. С другой стороны, природа войны изменяется, поскольку последняя уже не носит только кинетический характер. Автором приведены примеры, на основе которых показано, как эволюционирующий характер войны бросает вызов традиционному пониманию доктрины справедливой войны. В частности, растет угроза кибервойны, но этические критерии ее использования не определены. В отношении доктрины справедливой войны возникают вопросы о том, когда допустима превентивная кибератака, что должно считаться законными целями кибервойны и в какой степени может быть приемлем сопутствующий ущерб. Вызовом традиционному пониманию доктрины справедливой войны является и концепция гуманитарного вмешательства. На первый взгляд, гуманитарные интервенции не соответствуют критериям *ius ad bellum* доктрины справедливой войны из-за отсутствия прямой военной угрозы государству, осуществляющему интервенцию. Оправ-

дание гуманитарного вмешательства базируется на утверждении недопустимого нарушения общепринятых ценностей. Слабость данного подхода, по мнению автора статьи, заключается в предположениях о том, что ценности одних лиц выше других. Примером новых вызовов доктрине справедливой войны служит также феномен гибридной войны, т.е. многосторонний конфликт, в котором кинетическая война не является доминирующей. Организация нескольких направлений конфликта, каждое из которых призвано быть ниже порога, требующего ответа военной силой, эксплуатирует отсутствие правовых и этических норм, регулирующих эту деятельность. В заключение сделан ряд обоснованных выводов. Во-первых, чтобы доктрина справедливой войны оставалась актуальной, ее следует расширить, включив в нее вред, причиняемый некинетическими действиями. Во-вторых, различия между состояниями войны и мира должны быть пересмотрены, чтобы точнее отразить изменяющийся характер войны.

Ключевые слова: военная этика, нравственные проблемы войны, *ius ad bellum*, право вооруженных конфликтов, военное право, сравнительная справедливость, гуманитарная интервенция, некинетическая война, гибридная война.

Томас Джон – президент Международного общества военной этики в Европе (EuroISME), старший научный сотрудник Королевского института лингвистов (Великобритания).

admin@euroisme.eu

Для цитирования: Томас Дж. Доктрина справедливой войны: реликт прошлого или актуальность? // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 7–38. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-7-38

Just War Doctrine – Relic or Relevant?

J. Thomas

International Society for Military Ethics in Europe, Guer, France

Abstract

In the article, I examine the relevance of Just War Doctrine to contemporary conflicts. Just War Doctrine, which grew out of Western Christian thinking, presupposes that evil might be confronted with force, if there is no alternative way to restore a just order. But modern trends call into question the certainty and universality of this doctrine. On the one hand, ideas of moral relativism and comparative justice have become more widespread, potentially undermining the use of the notions “just” and “justified” in relation to military conflicts. On the other hand, the nature of war is changing,

as warfare is no longer only kinetic in character. I offer examples of how the evolving character of warfare challenges the traditional understanding of Just War Doctrine. For example, there is the growing threat of cyber warfare, but the ethical criteria for its use are not defined. In relation to Just War Doctrine, questions of whether and when pre-emptive cyber attack is permissible arise, what should constitute legitimate targets of cyber warfare and to what degree collateral damage could be acceptable. Another challenge to the traditional understanding of Just of War Doctrine was the putative doctrine of humanitarian intervention. *Prima facie*, humanitarian interventions do not comply with *ius ad bellum* criteria of Just War Doctrine, because of the absence of a direct military threat to the intervening state. The justification of humanitarian intervention is based on the assertion of an intolerable violation of accepted values. The weakness of such approach, as discussed in the article, is that it implicitly assumes that one protagonist's values are superior to others. A further example of emerging challenges to Just War Doctrine is the phenomenon of hybrid war, a term used to describe a type of conflict that is multi-faceted and in which kinetic warfare is not dominant. The orchestration of several strands of conflict, each designed to be below the threshold to provoke a military response, exploits the absence of legal and ethical norms regulating such activity. I conclude the article by suggesting that, firstly, for Just War Doctrine to remain relevant, it should be expanded to include harms caused by non-kinetic actions, and, secondly, the distinctions between the states of war and peace should be redefined to reflect the changing character of war more accurately.

Keywords: military ethics, morality of war, *ius ad bellum*, law of armed conflicts, justice of war, comparative justice, humanitarian intervention, non-kinetic warfare, hybrid warfare.

John Thomas – President of the International Society for Military Ethics in Europe (EuroISME), Fellow of UK Chartered Institute of Linguists.
admin@euroisme.eu

For citation: Thomas J. (2020) Just War Doctrine – Relic or Relevant? *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 7–38. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-7-38

Введение. Учитывает ли доктрина справедливой войны изменения в характере войны?

Ранее вопрос о том, учитывает ли доктрина справедливой войны изменения в характере войны, казался странным практически для всех исследователей военной этики. На протяжении веков эта доктрина была настолько распространена, что стала

для исследователей, в том числе студентов, интеллектуальным воздухом, которым они дышали, и постоянным фоном любого театра военных действий. Однако в последние несколько лет возрос интерес не только к военной этике в целом, но и к актуальной в аспекте современных конфликтов доктрине справедливой войны. Многие из конфликтов не соответствуют термину «война» в его понимании предыдущими поколениями¹.

Продолжаются дебаты между «традиционалистами» военной этики, которые в значительной степени опираются на государственные и коллективистские теории Майкла Уолцера, отраженные в книге «Справедливые и несправедливые войны» [Walzer 1977], и «ревизионистами». «Традиционалисты» утверждают, например, что война требует особой этики, и действиям таких общностей, как армия или государство, можно давать коллективную оценку. В этом случае доктрина справедливой войны характеризуется как набор принципов, которые можно переинтерпретировать с учетом новых технологий и типов конфликтов. «Ревизионисты», в частности Дэвид Родин, считают, что не существует особых моральных норм, регулирующих войну. Следовательно, действия, которые приводят к смерти либо причиняют физический или моральный вред, не могут рассматриваться в рамках отдельного морального универсума, а должны подчиняться тем же нормам, что и в мирное время [Frowe 2015].

Доктрина справедливой войны среди философов рождает споры. Вместе с тем для многих юристов в сфере права вооруженных конфликтов она является, полагаем, полезным дополнением к правовому позитивизму, пусть и нечеткой, но благонамеренной этической поддержкой юридической аргументации. Даже в докладе «Истоки сдержанности на войне» представителей Международного Комитета Красного Креста (МККК), увидевшем свет в 2018 году, не сделаны ссылки на этику или доктрину справедливой войны. Хотя, признавая важность гуманитарных ценностей [Истоки сдержанности... 2019, 36–38], специалисты МККК демонстрируют значительный

¹ Об изменяющемся характере войны см., например: [Kaldor 2007; Freedman 2017].

отход от предыдущего исследования под названием «Истоки поведения человека на войне» [Истоки поведения... 2005], при этом в большей степени юридической направленности.

Развитие доктрины справедливой войны

Ранняя эволюция² доктрины справедливой войны тесно связана с христианством³. Блаженный Августин (354–430) в «О Граде Божием» признает, что в Граде земном мы не можем достичь совершенства и столкнемся с несправедливостью и злом. Чтобы восстановить справедливый порядок, у нас может не быть альтернативы, кроме как противостоять злу насилем. Но такое насилие должно быть сдержанным и минимально необходимым для восстановления порядка⁴.

Процесс эволюции доктрины справедливой войны в дальнейшем осуществлялся на протяжении многих столетий, был осложнен религиозными войнами (особенно Крестовыми походами), санкционировавшими неприкрытое насилие против нехристиан. В эпоху, когда не существовало, как правило, иного закона, кроме закона грубой силы, когда не было независимой судебной системы, даже вполне понятные принципы Августина нередко игнорировали. Ситуация начала изменяться с появлением элементарного понимания естественного права в противовес религиозному. В соответствии с этим пониманием преследование и убийство других людей только по причине того, что они были сторонниками иной веры, не считали приемлемым. Подобного мнения придерживался Франсиско де

² Краткое введение в историю доктрины справедливой войны можно найти в работе М. Эванса [Evans 2005, 1–6].

³ Отдельно ведется дискуссия о том, может ли доктрина справедливой войны иметь плодотворное глобальное применение. Одни исследователи утверждают, что она унаследована из христианской традиции и с учетом этого ее сложно рассматривать как глобальную. Другие учитывают ее античные истоки, вклад в развитие законов вооруженных конфликтов, высокую степень моральной общности с иными аналогичными теориями и полагают, что эта доктрина может быть применима в мире в целом.

⁴ Используя более современную терминологию, можно утверждать, что доктрина справедливой войны «не является перфекционистской, потому что признает косвенную возможность агрессивной войны и конвенционалистскую возможность того, что пацифистское непотворение приведет к гибели невинных людей» [Brunk, Secrest, Tamashiro 1990, 87].

Витория (1492–1546) в контексте жестокого завоевания Южной Америки испанцами⁵. Гуго Гроций (1583–1645) развил понятие естественного права в своем монументальном труде «О праве войны и мира», при написании которого обращался к религиозной, античной литературе, произведениям современных писателей. Гроций пишет о том, что «непоколебимо убежден в существовании в международных сношениях некоего общего права, сохраняющего силу для войны и во время войны» [Гроций 1994, 51].

Наряду с развитием философских основ доктрины справедливой войны развивалось и право войны и мира. Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне (1618–1648), среди прочего изложил выработанные основные принципы национального суверенитета и сосуществования национальных суверенных государств. Его значение для доктрины справедливой войны состоит в том, что сложившийся принцип – государство является единственным субъектом, который может на законных основаниях объявить войну и от своего имени ее вести, – впоследствии стал частью философской, политической и правовой мысли.

Итак, развитие правового позитивизма в XIX веке опередило развитие военной этики (и, следовательно, доктрины справедливой войны). Правовой позитивизм основан на концепциях Томаса Гоббса (1588–1679) и предполагает, что к действующим законам относятся только те, которые приняты правительственным или политическим учреждением. Теория правового позитивизма исходила из того, что в отсутствие суверенного закона естественное состояние человечества – это состояние самосохранения, которое ведет к войне. Концепции Гоббса оказали значительное влияние на его последователей. Считая государство суверенным, Гоббс (что может показаться спорным) не предлагал какой-либо формы всеобъемлющей межгосударственной (международной) структуры.

Тем не менее идея о том, что поведение во время войны должно быть ограничено международными правилами и

⁵ См. его лекции «Об индейцах и о праве войны» (*De Indis et De iure belli*, 1532).

положениями, была влиятельной. Она посеяла семена таких международных актов и структур, как Женевские конвенции, Гаагские конвенции, Нюрнбергский и Токийский трибуналы после Второй мировой войны. Однако этическая проблема, связанная с юридическим позитивизмом, включает в себя как минимум три проблемных вопроса. Во-первых, могут быть ошибки (или даже злой умысел) при принятии законов. Во-вторых, законодательство можно изменить, и то, что было законным сегодня, станет незаконным завтра (или наоборот). Третья проблема – исключить, чтобы даже при отсутствии действующей государственной власти противники действовали бы аморально или неэтично. Отсутствие государственной власти может наблюдаться, например, во время гражданской войны, когда легитимность политической власти может быть оспорена (см.: [Moseley 2011]).

После Второй мировой войны наблюдался значительный рост размышлений о военной этике, частично начатый с отрицания «нюрнбергской защиты» по принципу «я просто выполнял приказы». Затем в течение нескольких десятилетий центральное место занимала этика ядерного сдерживания. С конца XX века и по настоящее время философы, мыслители, изучающие военные события, вынуждены разрешать этическую сложность современных конфликтов: прокси-войн (т.н. войн чужими руками), «войн среди людей»⁶, международного терроризма, войн с негосударственными акторами, множеством иных сложностей, включая некинетические⁷ формы агрессии.

Вестфальская модель оставалась основой международных отношений в течение нескольких столетий. С созданием Лиги Наций, после ужасов Первой мировой войны, возникает международная (в отличие от национальной) парадигма предотвра-

⁶ «Войной среди людей» (*war amongst the people*) Руперт Смит называл войны, в которых государство противостоит не другому государству, а различным военизированным формированиям на территории страны проведения операции (например, война в Ираке, война в Афганистане) [Smith 2005]. – *Прим. пер.*

⁷ Некинетические формы агрессии – это формы агрессии, которые не предполагают использование физической силы и не способны привести к летальному исходу. Кинетическая война – «традиционная» война с применением летального оружия. – *Прим. пер.*

щения и разрешения межгосударственных споров. Несмотря на то, что Лига Наций была создана ввиду стремления к высоким идеалам, ее деятельность не увенчалась успехом, о чем свидетельствует факт развязывания Второй мировой войны. На смену ей пришла Организация Объединенных Наций. Но и в Уставе ООН, вероятно, окончательном выражении того, как должны регулироваться межгосударственные отношения, присутствует Вестфальская модель⁸. В Уставе ООН созданы механизмы не только для предотвращения вооруженного конфликта, но и для санкционирования войны в случаях, если это считается законным и неизбежным (главы VI и VII Устава).

Если рассматривать совокупно этапы развития доктрины справедливой войны, достижения в области военных технологий и изменения гражданского общества, то на первый взгляд непонятно, имеет ли сегодня доктрина, которая постулирована в V веке н.э., геополитическое значение. Насколько это действительно важно и актуально? Предлагаем на основе анализа трех примеров попытаться понять, в какой степени доктрина справедливой войны остается (или не остается) актуальной для современных конфликтов.

Что такое «справедливая» война?

Прежде всего необходимо ответить на вопрос о том, что мы имеем в виду, когда называем войну «справедливой». «Справедливый» (*just*) – неточное и субъективное понятие, означающее «честный» (*fair*) или «морально правильный». Почему же мы не можем быть более точными и говорить о «законной» или «легальной» войне, если существует объемный свод норм международного гуманитарного права и ООН, члены которой могут проголосовать за то, чтобы сделать войну «законной»?

⁸ Статья 2.1. Устава ООН гласит: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов». Статья 2.7 Устава ООН гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII».

В равной мере мы не говорим и об «оправданной» или «оправдываемой» войне.

Такая неточность характеризуется одновременно и как мощь, и как помеха. «Справедливость» – слово, схожее со словами «порядочность» (*integrity*) или «лидерство», о которых все говорят, что понимают их суть, но многие не могут дать четкое определение. «Справедливый» – это слово, позволяющее действующим лицам «справедливой войны» лучше относиться к тому, что они делают, чувствовать, что они морально честны и поступают правильно. Однако возникают проблемные вопросы, требующие ответов. Во-первых, вопрос о том, что происходит, когда обе стороны считают, что они ведут справедливую войну; во-вторых, о чьей именно морали мы говорим при этом; в-третьих, возможно ли начать справедливую войну, полностью основанную на легалистской реальной политике (*realpolitik*) при отсутствии какой-либо морали. Афиняне в диалоге с мелосцами⁹, безусловно, думали об этом, и многие правители на протяжении веков считали выживание государства более высоким моральным благом, чем общепринятая мораль (или даже законность).

Доктрина справедливой войны, с нашей точки зрения, уходит корнями в христианство (западное), когда она изначально постулировалась Августином, предназначалась для применения в мире, каким он его знал. Хотя мы сегодня живем в эпоху, которая, возможно, имеет еще менее определенную систему морали, чем эпоха Августина, необходимость морали редко подвергается сомнению. Более распространены вопросы о том, что подразумевается под понятием морали и чья мораль важнее. Нравственность все больше становится внутренним вопросом личных предпочтений. Христианская мораль, находящаяся

⁹ В «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида представлен диалог между жителями острова Мелос и афинянами, требующими от мелосцев под угрозой уничтожения отказаться от нейтралитета в Пелопоннесской войне и присоединиться к Афинскому морскому союзу. При этом каждая сторона приводит аргументы в защиту справедливости и разумности своей позиции. Афиняне не смогли убедить мелосцев и предприняли осаду острова, по завершении которой мужчины-мелосцы были казнены, а их жены и дети проданы в рабство. – *Прим. пер.*

в основе большей части современного западного общества и поведения, уже не доминирует. Все меньше людей посещают церкви¹⁰, и религиозное образование в большинстве школ уже не сводится к представлению перед детьми единого понятия, а скорее, напоминает «шведский стол» вероисповеданий, из которых они могут «выбирать»¹¹. Христианское наследие Европы заменено в Лиссабонском договоре, подписанном на саммите Евросоюза, т.е. речь уже идет о выражении «культурное, религиозное и гуманистическое наследие Европы». Шагом в ином направлении можно признать изменения, внесенные в 2020 году в Конституцию России, в которой теперь упоминается Бог.

Сегодня, в эпоху морального релятивизма, многие считают, что не существует (и не должно быть) единой всеобъемлющей морали, направляющей действия каждого. Хотя может существовать согласие относительно ряда вопросов морали, таких как запрет на убийство. Все чаще индивидуальная мораль определяется индивидуальной интерпретацией нравственности поступков, например, в случае супружеской измены или лжи. Данная тема может быть интересна любому в мире, особенно социологам и психологам. В контексте последствий она имеет отношение и к доктрине справедливой войны.

На протяжении веков римско-католическая церковь была своего рода маяком моральной определенности в богословских вопросах. Но в 1983 году произошел уход от этой позиции определенности, когда в пастырском письме о ядерном сдерживании, выпущенном Национальной конференцией католических епископов США [The Challenge of Peace... 1983],

¹⁰ В Великобритании, по оценкам специалистов, посещаемость церкви снизилась у 11,8 % населения (в 1980 году) до 5 % (в 2015 году). (Источник: издания «Religious Trends» под редакцией Питера Брайерли.– URL: <http://www.brin.ac.uk/figures/church-attendance-in-britain-1980-2015/>)

¹¹ Например, согласно руководству по религиозному образованию британского Департамента по делам детей, школ и семьи, «изучение религии должно основываться на юридических требованиях и обеспечивать соответствующий баланс между христианством, иными основными религиями при необходимости религиозными традициями и мировоззрениями на всех ключевых этапах, имея соответствующие отсылки к другим частям учебной программы по разным предметам» [Religious Education... 2010, 23].

была введена концепция сравнительной справедливости, или сравнительного правосудия (*comparative justice*)¹². Вместе с тем нельзя не обратить внимание на возрождение концепции Вестфальского «суверенного государства»:

Категория сравнительной справедливости призвана подчеркнуть презумпцию против войны, которая стоит в начале учения о справедливой войне. В мире суверенных государств, не признающих ни общего морального авторитета, ни центрального политического авторитета, сравнительная справедливость подчеркивает, что ни одно государство не должно действовать на том основании, что на его стороне «абсолютная справедливость». Каждая сторона в конфликте должна осознавать ограниченность своего «справедливого дела» и вытекающее из этого требование использовать только ограниченные средства для достижения своих целей. Сравнительная справедливость не только не узаконивает менталитет Крестовых походов, но и призвана уравновесить абсолютные требования, ограничить применение силы даже в «оправданном» конфликте [The Challenge of Peace... 1983, пункт 93].

Представление о том, что римско-католическая церковь выступает в качестве сторонника морального релятивизма (даже если только в теоретическом плане, в контексте ядерного сдерживания), можно рассматривать как ее резкий уход от прежней твердой веры в моральную определенность. Идея морального релятивизма находит отражение в доктрине Тони Блэра о «гуманитарном вмешательстве». В ней он интерпретировал доктрину справедливой войны через призму гуманизма, оправдывая моральный долг вести войну исключительно в моральных целях. Католические епископы косвенно предупреждали о нравственной ущербности предполагаемого аргумента в пользу войны, а Блэр заявлял о том, что его высокая нравственность фактически превосходила стандартные параметры *ius ad bellum*.

Одна из неявных предпосылок доктрины справедливой войны состоит в том, что войны были, по сути, кинетическим процессом, в ходе которого комбатанты бросали свое оружие (или самих себя) в ожесточенные сражения с противником.

¹² В русскоязычной литературе понятие *comparative justice* переводят и как «сравнительное правосудие». – Прим. пер.

До недавнего времени ни одно из крупных достижений в военной технике не внесло существенных изменений в эту парадигму. В любом случае выпущено что-то очень твердое и опасное с намерением причинить вред: будь то камень, брошенный из метательной машины, или кассетная бомба, сброшенная с самолета. Даже знаменитая максима Карла фон Клаузевица («война – это продолжение политики другими средствами»¹³) не предполагает наличия непрерывного континуума между войной и миром. Скорее, речь идет о том, что мир и война – два состояния, которые имеют разные характеристики.

В настоящее время различия между войной и миром все более стираются (см.: [Whetham 2016]), представляя собой и богатый пласт дебатов для философов, и то, что имеет реальные последствия для политиков, населения и безопасности в целом. Например, убийство (при определенных обстоятельствах), разрушение инфраструктуры противника допустимо на войне, но не в мирное время. Как отличить преступление от военного преступления, если война и мир неразличимы? В Римском статуте Международного уголовного суда проводится юридическое различие между актами агрессии и преступлениями агрессии. Однако даже этот тщательно подготовленный документ может иметь ограниченную ценность, поскольку в основе его аргументации, в частности в статье 8 bis (2) Римского статута, находится положение о том, что акт агрессии является «...применением вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства» [Rome Statute... 2011, 7]. Далее он определяет акты (и преступления) агрессии исключительно с точки зрения физических действий, предпринятых в основном вооруженными силами государства, за исключением статьи 8 bis (2)(g)¹⁴. В Римском статуте не упо-

¹³ Дословно у Карла фон Клаузевица: «Война есть только продолжение политики иными средствами». Обычно цитируется как «война – это продолжение политики другими средствами».

¹⁴ В статье 8 bis (2)(g) как акт агрессии квалифицируется использование одним государством иррегулярных вооруженных формирований против суверенитета или территориальной целостности другого государства. – *Прим. пер.*

минаются, например, понятия кибервойны или манипулирования информацией. Агрессия определяется исключительно в кинетических терминах (см. также: [Einarsen 2012]).

Данный документ также не позволяет установить ряд фактов, в том числе связанных с тем, как квалифицировать строительство Китаем военных баз в международных водах Южно-Китайского моря. Согласно одной из интерпретаций, строительство баз в международных водах может не быть актом агрессии, поскольку речь идет не об агрессии в отношении другого государства. Но сегодняшние предупреждения со стороны Китая в адрес самолетов и судов о том, чтобы они держались подальше от этих баз, можно рассматривать, на наш взгляд, в качестве такого акта.

Пример 1. Атака *Stuxnet* на ядерные центрифуги Ирана в 2007 году

Ядерная программа Ирана восходит к 1950-м годам, когда он был союзником западных стран, в том числе США. Она была практически полностью остановлена во время Иранской революции 1979 года в значительной степени из-за личного противодействия аятоллы Хомейни ядерному оружию. Неслучайно большинство ученых-ядерщиков покинули страну. Но ядерные амбиции государства не умерли. На протяжении десятилетий страна обращалась за помощью к Китаю, Пакистану и России, чтобы возродить ядерную программу. В 2003 году Иран согласился приостановить программу ядерного обогащения, но в 2006 году возобновил работу на своем объекте в Натанзе. Множество различных нарративов связаны с соглашением о прекращении обогащения и решением о перезапуске. В данном случае обогащение фактически возобновилось.

Однако в течение нескольких лет центрифуги в Натанзе выходили из строя, некоторые даже взрывались. Сначала считали, что причиной является неисправное оборудование, но замена оборудования не привела к улучшениям. Не обнаружены неисправности в компьютерах, управляющих оборудованием для точной, но относительно простой операции. К сожалению иранских инженеров, они искали не в том месте, поскольку

«вина» заключалась в программном обеспечении, установленном на компьютерах. С точки зрения иранцев, данная причина казалась неправдоподобной, т.к. ни одно из их устройств не было подключено к Интернету, следовательно (по крайней мере в теории), не подвержено атаке вредоносного программного обеспечения. Установлено, что источником атаки стала программа *Stuxnet* – очень сложный код, точно нацеленный на управлявшее центрифугами программное обеспечение *Siemens WinCC/PCS 7 SCADA* и только на управление этими центрифугами [Singer 2015]. Таким образом, он был безвреден во всех других ситуациях, но очень эффективен в среде, для которой разработан.

Описанное нападение вызывает два этических вопроса в отношении доктрины справедливой войны. В первую очередь, возникает вопрос о том, допустимо ли какое-либо *упреждающее* нападение на центрифуги. Многие страны опасались, что Иран намеревается произвести ядерное оружие. До этого, вероятно, оставалось по крайней мере несколько лет. Тем самым не существовало непосредственной угрозы, которая могла бы оправдать *превентивное* нападение. Но это нападение имело иную природу, чем все предыдущие атаки. Был нанесен ущерб только неодушевленным машинам, полученным незаконным путем и применявшимся, полагаем, в незаконных целях. Ни один человек не был убит или ранен, и, кроме центрифуг, остальное оборудование не пострадало на объекте. Код вируса *Stuxnet* предполагал, что он будет влиять лишь на компьютеры, на которых запущено программное обеспечение *Siemens* для точного количества центрифуг в Натанзе. Несмотря на то, что впоследствии вирус найден в другом месте, это было не более чем безвредное присутствие. К тому же вирус был заранее запрограммирован на самоуничтожение в 2012 году.

Необходимо подумать о том, чтобы обстоятельства этой атаки не применялись широко во избежание превентивных кибератак, поскольку используемое для них оружие представляет собой компьютерный код, а не бомбы или пули. Цель атаки состояла в том, чтобы нанести ущерб (в идеале постоянный ущерб) ядерному потенциалу Ирана. Следовательно, рожда-

ется вопрос о том, следует ли проводить различие в доктрине справедливой войны между атакой, которая не нанесла побочного ущерба людям или инфраструктуре, и атакой, которая могла бы такой ущерб причинить¹⁵. И нужно ли проводить дальнейшее различие между атакой (с применением *Stuxnet*), нацеленной на потенциальную разработку оружия, чтобы не дать ему появиться в арсенале потенциального врага, и атакой, предназначенной для кражи технологий (как, например, в случае с вирусом *Flame* [Kushner 2013]), чтобы использовать их в собственных целях?

Нельзя не учитывать намерение и последствия этой атаки. Цель нападения – спасение многих жизней, которым угрожала опасность, если бы Иран разработал ядерное оружие. Этот риск включает в себя не только катастрофические последствия применения такого оружия (и возмездие за это), но и риск дестабилизации одного из самых нестабильных регионов мира в дальнейшем. Относительно последствий отметим, что атака *Stuxnet* была очень сложной и успешной и с точки зрения поражения выбранной цели, и с точки зрения предотвращения утечки в более широкое киберпространство.

Однако вопрос о намерении и последствиях применим ко всем кибератакам, а не только к атаке *Stuxnet*, которую многие сочли бы оправданной. Что произошло бы, если бы будущая атака была менее успешной в приведенном выше контексте, и нанесла ущерб не только основной военной цели, но и финансовым рынкам или гражданским энергетическим или транспортным системам управления, например, системе управления воздушным движением? Данный вопрос остается открытым. Одна из отличительных черт кибервойны заключается в том, что долгосрочные эффекты не всегда могут быть точно рассчитаны во времени и пространстве, как при использовании кинетического оружия. Пуля убийцы способна поразить главу государства, а ракета, выпущенная дроном, может убить тер-

¹⁵ Возникает вопрос о том, отличалось ли нападение посредством вируса *Stuxnet* от нападения Израиля на иракский ядерный объект в Аль-Тувайтхе (операция «Вавилон») в 1981 году, когда иракские ядерные реакторы были физически уничтожены бомбами в результате упреждающего нападения.

рориста. Но оружие, из которого выпущена пуля или ракета, не приводится в действие случайно, убивая или нанося вред непреднамеренным целям.

Кибератаки могут быть задействованы и как акты мести, в качестве возмездия за торговые санкции, и для критики авторитарных режимов, а также в целях саботажа или кражи промышленных и государственных секретов. Следовательно, намерение может быть мстительным, а не оправданным предотвращением будущих конфликтов.

Пример 2. Доктрина гуманитарного вмешательства Тони Блэра

Доктрина гуманитарного вмешательства сформулирована в речи, которую Тони Блэр произнес в Чикагском экономическом клубе в 1999 году, в период военных потрясений на Балканах, где бушевала межэтническая война. Ситуация в это время была критической, и Блэр пытался убедить Билла Клинтона в том, чтобы задействовать наземные силы. Клинтон не соглашался, понимая, что войска, в основном состоящие из американцев, подвергаются риску, и учитывая, что приближались промежуточные выборы (и ему необходимо было разрешить ситуацию, вызванную скандалом с участием Моника Левински). После нескольких безуспешных попыток министров Великобритании изменить позицию администрации США Блэр и выступил с речью в Чикагском экономическом клубе во время запланированного визита в Вашингтон, изложив свой подход к международным отношениям, в том числе на уровне политики, экономики и безопасности.

Он начал выступление с утверждения о том, что «это (операция в Косово. – *Дж. Т.*) – справедливая война, основанная не на каких-либо территориальных амбициях, а на ценностях». О каких и чьих ценностях идет речь? Кампания в Косово не была санкционирована Организацией Объединенных Наций (где Россия наложила бы на нее вето) и не была войной в целях самообороны, типом войны, изначально санкционированным как Уставом ООН, так и столетиями обычного права. Юристы в министерстве иностранных дел Великобритании обеспокоены

тем, что кампания в Косово не была законной. Между тем Тони Блэр и министр иностранных дел Великобритании Робин Кук решили, что «война может не быть законной, но у нее есть вся необходимая международная легитимность» [Kampfner 2003, 41]. Далее Блэр изложил свой подход к будущим конфликтам:

Но теперь мы должны создать новую основу. Наше существование как государства больше не находится под угрозой. Теперь наши действия руководствуются более тонким сочетанием взаимного личного интереса и моральной цели в защите ценностей, которыми мы дорожим. В конце концов ценности и интересы сливаются [Blair 1999].

Прежде чем принять решение о начале войны, он представил свои «соображения», все за и против:

Во-первых, уверены ли мы в данном случае? Война – несовершенный инструмент для устранения гуманитарных бедствий, но вооруженная сила иногда является единственным средством борьбы с диктаторами.

Во-вторых, исчерпали ли мы все дипломатические возможности? Мы всегда должны давать мирному процессу все шансы, как мы это сделали в случае с Косово.

В-третьих, исходя из практической оценки ситуации, можем ли мы разумно и осмотрительно проводить какие-то военные действия?

В-четвертых, готовы ли мы к долгосрочным действиям? Раньше мы слишком много говорили о стратегиях выхода. Но, взяв на себя обязательство, мы не можем просто уйти, когда битва закончится. Лучше оставаться с умеренным количеством войск, чем возвращаться для повторных действий с большим количеством войск.

И, наконец, есть ли у нас национальные интересы? <...> Я не утверждаю, что это абсолютные критерии. Но это те вопросы, о которых нам нужно подумать, решая в будущем, когда нам вмешиваться и будем ли вообще [Blair 1999].

Очевиден проблемный характер изложенного подхода Блэра. В частности, он предполагает, что его ценности и интересы выше других. Это несложно понять в случае защиты перед лицом зверств и варварства, но такая позиция перекликается с «цивилизаторскими» мотивами европейских колонизаторов, завоевавших большую часть Африки в XIX веке. Последние искренне верили в то, что несут мораль (христианство)

коренным народам и что личные интересы их родных стран важнее интересов африканских народов. По их мнению, это оправдало оптовый экспорт драгоценных металлов и оптовое присвоение собственности и земли. Блэр руководствовался же лишь гуманитарными помыслами. Но ценности и личный интерес (взаимный или иной) не являются изолированными объективными критериями.

Смелое утверждение Блэра о том, что Косово было справедливой войной, если подразумевается, что нужно применять традиционные принципы *ius ad bellum* справедливой войны, не выдерживает критики при его сопоставлении с такими критериями. Команда юристов министерства иностранных дел также была встревожена идеей вмешательства, основанной исключительно на ценностях премьер-министра [Kampfner 2003, 53]. Британские дипломаты впоследствии пытались превратить видение Блэра в надлежащую стратегию, но это им не удалось. Следовательно, интеллектуальная подоплека интервенционистского подхода Блэра была неубедительной и не столь обоснованной, как он представлял. В дальнейшем установлено, что Блэр сомневался [Bloomfield 2019], высказывая предположение о необходимости еще двух дополнительных критериев: «Если вы имеете дело со страной, где будет сильное исламистское влияние... чей целью будет дестабилизировать то, что вы пытаетесь сделать... будут те, кто готов убивать и умирать ради этого». Еще один довод в большей мере связан с внутренней политикой, чем с вмешательством как таковым, и Блэр формулирует это следующим образом: «Я думаю, что это трудно предпринять, если это будет долгосрочный проект, а ваша собственная страна разделена в отношении этого» (цит. по: [Bloomfield 2019]).

Поражает смена расстановки акцентов Блэром, заключающихся в том, что первые пять соображений предшествовали войне в Ираке, а последние два – разработаны после нее. Поэтому можно предположить, что эти последние критерии служат прямым результатом хаоса, наступившего в Ираке после вторжения, и внутривнутриполитической критики в адрес Блэра, когда он настаивал на вторжении. Однако, несмотря на критику

подхода Блэра к гуманитарному вмешательству, который считали наивным, политически конъюнктурным или ошибочным, он был по крайней мере прозрачным. Тем не менее вопрос о прозрачности при оправдании вторжения в Ирак все еще служит предметом интенсивных дискуссий. Блэр рассказал миру в Чикаго о своем видении вектора движения. Такая прозрачность контрастирует с большей частью стратегии и тактики, применяемых в гибридной войне, которая гораздо чаще характеризуется преднамеренным запутыванием и отрицанием.

Пример 3. Гибридная война

Возможно, «гибридная война» – современный термин для обозначения древнего явления. Войны нередко сопровождались скрытым или явным принуждением, пропагандой, экономической блокадой, подрывной деятельностью и шпионажем. Вторая мировая война включала в себя все эти явления, а также физическое насилие, но ее нельзя назвать гибридной войной. Кинетические элементы этой войны были в значительной степени подчинены кинетическим. Это соответствовало идее «традиционной» войны, в которой вооруженные силы в униформе противостоящих государств вели кровопролитные сражения друг с другом, пусть даже и на «поле битвы», простиравшемся через всю континентальную Европу и Северную Африку.

Поэтому, пытаясь определить, что означает понятие гибридной войны, логично вспомнить о типе конфликта, в котором кинетический элемент не обязательно играет доминирующую роль. Гибридная война – быстро развивающееся явление с множеством определений, что неудивительно по двум причинам. Суть первой состоит в том, что ввиду новизны развивающегося явления не успело сформироваться единое устоявшееся определение. Вторая причина более тесно связана с природой гибридной войны, поскольку отсутствие четкого определения позволяет агрессорам оспаривать или опровергать утверждения о том, что они каким-либо образом совершают акт войны. Некоторые даже оспаривают саму идею «гибридной войны» (см., например: [Van Puyvelde 2015]). Но будет здесь длительного анализа, я решил примем следующее определение.

Гибридная военная деятельность – это «синхронное использование нескольких инструментов власти, адаптированных к конкретным уязвимостям по всему спектру социетальных функций для достижения синергетических эффектов» [Cullen, Reichborn-Kjennerud 2017, 8]. В этом определении присутствуют три наиболее значимых понятия. Первое – «множественные инструменты власти», второе – «уязвимости», третье – «синергетический». Многочисленные инструменты власти можно разделить на пять категорий: военные, политические, экономические, гражданские и информационные (*military, political, economic, civil and information – MPECI*) [Cullen, Reichborn-Kjennerud 2017, 9]. Утверждается, что эти инструменты могут применяться с различной интенсивностью и в разных пропорциях с течением времени (что в исследовании характеризуется как вертикальная и горизонтальная эскалация). Ключевая идея состоит в том, что степень эскалации и деэскалации является результатом сознательного планирования.

Акцент на уязвимостях не менее важен. В так называемой традиционной войне сильная сторона, вероятно, играет более важную роль, чем уязвимая атакуемая. В гибридной войне это соотношение обратное: именно уязвимости становятся ключевыми детерминантами стратегии. Анализ уязвимостей уже не ограничивается военной сферой, но может включать в себя слабости в экономических, политических, гражданских и информационных сферах. В такой войне открывается очень широкий фронт действий. Значимой становится «синергия», поскольку совокупный эффект этих действий должен быть больше, чем просто сумма их частей. В идеале действия должны усиливать друг друга таким образом, чтобы их противодействие было затруднено. Тем более что среди особенностей гибридной войны – управление каждым из пяти ее элементов (*MPECI*), чтобы каждый индивидуально оставался на уровне, не вызывающем беспокойства или ответа, в то время как общий эффект имел бы дестабилизирующее воздействие.

«Туман войны» – это выражение, передающееся из поколения в поколение для описания сложности принятия решений в военное время. «Туман» – сокращенный вариант

неразберихи и хаоса, неизбежных побочных продуктов вооруженных конфликтов. Одновременно это указывает на одно из главных отличий гибридной войны от «традиционной». В гибридной войне «туман» или неоднозначность (*ambiguity*) становится объектом стратегии, а не ее побочным продуктом. Приведем более строгое определение: «Неоднозначность целесообразно определить как “враждебные действия, которые государству трудно идентифицировать, приписать или публично определить как принудительное использование силы” [Mumford, McDonald 2014]. Неоднозначность характерна для усложнения или подрыва процессов принятия решений оппонентом. Она конфигурируется таким образом, чтобы затруднить военный или даже политический ответ. С военной точки зрения она предназначена для того, чтобы быть ниже порога войны и лишить легитимности (или даже сделать политически иррациональным) возможность ответа военной силой» [Reichborn-Kjennerud, Cullen 2016, 2].

Если неотъемлемой частью стратегии гибридной войны служит проведение действий, находящихся ниже порога чувствительности радаров атакуемого противника, снова возникает вопрос об ущербе. Показателен случай при этом, если государство *A* предлагает построить гражданскую атомную электростанцию по бросовой цене на территории государства *B*, сэкономя для государства *B* много денег в краткосрочной перспективе, но сделав его зависимым от технологий и опыта государства *A* в долгосрочной перспективе. Это – потенциальный или фактический ущерб? Этот аргумент применим и к ситуации предоставления основных компонентов в инфраструктуре связи 5G. Строительство Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море служит примером тактики, которая вызвала беспокойство. Но пока ни одна из стран не пришла к выводу о том, что такие действия преодолели порог для военного ответа и выходят за рамки «демонстрации силы» предположительно из-за отсутствия на сегодняшний день какого-либо фактического ущерба морскому судоходству¹⁶.

¹⁶ Об обсуждении вопроса ущерба в гибридных войнах подробнее см.: [Whetham 2016].

В наш «век информации», когда те или иные данные – наиболее ценный товар, который можно сравнить с ценившимися во все времена золотом, сахаром и нефтью, виртуальное пространство, где добывается, хранится и распространяется информация, стало одним из основных полей битвы гибридной войны. Например, ИГИЛ (запрещенное в России) использовало высококачественную онлайн-продукцию как эффективный инструмент для открытой вербовки и пропаганды. Если и были сомнения в силе социальных сетей, их убедительно развеяла реакция на видео со смартфона, на котором полицейский Миннеаполиса придавил коленом шею Джорджа Флойда. В считанные дни выставленное в интернет видео спровоцировало всемирное движение *Black Lives Matter*. Это видео не относится к категории фейковых новостей (и не было актом гибридной войны), но оно показывает, к каким стремительным глобальным последствиям может привести событие в одной стране. Его поразительный всемирный эффект заметят, скорее всего, и те, кто заинтересован в манипулировании информацией в собственных целях.

Новости не всегда правдивы или точны, однако оказывают свое влияние. Так, Ницан Циммерман, специалист по созданию вирусного контента, генерирующего большой интернет-трафик, в 2014 году сделал смелое заявление: «В настоящее время неважно, настоящая ли история. Единственное, что действительно имеет значение, это то, нажимают ли на заголовок новости люди». Факты, по его утверждению, закончились: «они пережили эпоху печатного станка, когда у читателей не было выбора». При этом Циммерман продолжил: «Если человек не делится новостью, это, по сути, не новость» (цит. по: [Viner 2016]). Эта тенденция усугубляется алгоритмами, которые подают новости пользователям интернета на основе их известных предпочтений, что укрепляет существующие предрассудки.

В качестве примера гибридной войны нового типа исследователи часто приводят конфликт между Украиной и Россией. Многие полагали, что присутствовавшие в Крыму т.н. «зеленые человечки», имеют отношение к российским вооруженным силам. Такие анонимные силы (без знаков различия), конечно,

играли важную тактическую роль, но более важная, основная часть гибридной тактики осуществлена все-таки на стратегическом политическом и экономическом уровне.

Украина зависела от импорта российского газа и имела очень высокий уровень международного долга. Использование Россией этих фундаментальных слабостей¹⁷, а в некоторых случаях их обострение за счет дешевого газа и дешевых кредитов, сделало президента Виктора Януковича уязвимым при давлении со стороны РФ в целях того, чтобы он не подписал соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС. Метод кнута и пряника, повышение и снижение цен на газ, предложение и аннулирование кредитов, применение неблагоприятных механизмов индексации цен и подача огромного арбитражного иска о компенсации фактически дестабилизировали руководство Украины. Политические и экономические рычаги применялись в некоторых случаях в сочетании с более откровенной военной тактикой, вытекающей из необходимости защиты этнических русских. В соответствии с «передовой практикой» гибридной войны действия России сознательно сдерживались ниже порога военного вмешательства, и смысл этих действий не был очевиден до последнего момента.

Но гибридная война не всегда проходит в масштабах территориальной аннексии. Часто гибридную войну невозможно отличить от политического давления. Так, в январе 2016 года тринадцатилетняя немецкая девочка русского происхождения (Лиза Ф.) заявила, что ее изнасиловали мигранты. Как впоследствии установлено полицией, обвинение в адрес мигрантов было бездоказательным. Но до того, как это случилось, Министерством иностранных дел России было направлено в посольство Германии в Москве требование о проведении полного расследования, а министр иностранных дел России Сергей Лавров обвинил власти Германии в недопустимом бездействии. Предпринятые дипломатические действия позволили развер-

¹⁷ Например, некоторые исследователи к уязвимостям Украины относят слабые макроэкономические показатели, высокий уровень государственного долга, поставки газа и транзитные контракты между Россией и Украиной, российские кредиты Украине, высокую степень зависимости Украины от российского газа [Cullen, Reichborn-Kjennerud 2017, 16].

нуть широкую кампанию в средствах массовой информации. Позднее в немецкой прессе распространяли мнение о том, что основной целью российской медийной кампании было дестабилизировать кабинет Ангелы Меркель в тот момент, когда она и без того испытывала политическое давление в связи с ее политикой предоставления убежищ для мигрантов.

В 2007 году Эстония решила перенести бронзовую статую советского солдата Второй мировой войны с площади в центре столицы на менее заметное место. Русская община Эстонии (26 % от общей численности населения страны) расценила этот шаг как оскорбление и пример дискриминации русских. Данные действия привели к политической напряженности, и Россия выразила протест правительству Эстонии. Затем последовала целенаправленная кибератака на критически важную инфраструктуру страны. Это стало бы значительным ударом для любого государства, но особенно болезненно было для Эстонии, одной из самых цифровизированных стран того периода в мире (см., например: [Herzog 2011; Grassegger, Krogerus 2017]) и, следовательно, наиболее уязвимой для кибератак. В первый день атаки через сети передачи информации страны использовалось две тысячи пакетов данных в час. В разгар атаки указанная цифра выросла до четырех миллионов пакетов данных в секунду. Атаки прекратились только 19 мая, когда эстонское правительство отключило компьютерную сеть всей страны.

Гибридная война носит комплексный характер и требует как разработки сложной стратегии, так и ресурсов для ее реализации на нескольких фронтах одновременно. Это также предполагает, что государство, желающее проводить кампанию гибридной войны, уже имеет достаточное военное, политическое, экономическое, гражданское и информационное влияние (фактическое или потенциальное) для оказания давления на противника на этом широком фронте.

Так, маловероятно, что небольшое Княжество Андорра в Европе (пример чисто гипотетический) сможет вести гибридную войну против Китая или США. Следовательно, на данный

момент только более могущественные государства могут реализовать различные компоненты гибридной стратегии скоординированным и контролируемым образом. Это также отличается от чисто кибервойны, поскольку небольшие, но технологически продвинутые государства способны применять как наступательные, так и оборонительные стратегии кибервойны.

Как указывалось выше, сама природа гибридной войны может затруднить доказательство. Эта неопределенность не только позволяет агрессорам отвергать выдвинутые против них обвинения, но также позволяет выдвигать обвинения против государств, которые могут быть невиновны в ведении гибридной войне, а просто предпринимают решительные (но законные) действия.

Заключение?

Знак вопроса после слова «заключение» отражает тот факт, что нет точного ответа на вопрос, актуальна ли доктрина справедливой войны или она становится пережитком прошлого. Решение в отношении того, начинать войну или нет – это не проставление «галочек» в клетках критериев права на ведение войны (*ius ad bellum*) доктрины справедливой войны. Такие моральные императивы, как право на самооборону и отказ от убийства невиновных сторон, могут вступать в противоречие [Fisher 2011, 24]. Хотя военачальников все больше обучают законам и этике ведения войн (*ius in bello*), в целом верно утверждение о том, что политические лидеры крайне не обучены этике и законности инициирования войны (*ius ad bellum*). Судьбоносное решение о начале войны в Персидском заливе в 2003 году показывает, каким существенным недостатком может быть отсутствие образования и подготовки.

Очевиден тот факт, что доктрина справедливой войны имеет ряд недостатков в сравнении с современными конфликтами, например, в отношении гражданских войн¹⁸, терроризма (осо-

¹⁸ По оценкам ООН, 800 000 человек убиты вследствие резни в Руанде и 400 000 человек – в ходе Гражданской войны в Сирии. В эти цифры не

бенно, если они предпринимаются прокси-группой от имени другого государства) или некинетических атак, которые причиняют экономический или политический ущерб, а не физический вред или ранение. Мы живем в мире, где некоторые корпорации обладают большей властью и влиянием, чем многие национальные государства, и где могущественные и жестокие наркокартели могут обладать огневой мощью небольших армий¹⁹. Было бы нелепо утверждать, что компании *Facebook*, *Google* и *Instagram* имеют какие-то враждебные намерения, но их способность передавать информацию (манипулируемую или нет) огромному количеству пользователей за считанные секунды может быть важным непреднамеренным способом влияния на тех, кто стремится причинить вред²⁰. И наоборот, скорость и гибкость создает степень открытости, которая может быть воспринята авторитарными режимами как угроза (см., например: [Sheehan 2018]).

Уместно вспомнить о попытках (с, очевидно, добрыми намерениями) Тони Блэра, главы правительства страны, входящей в «Большую семерку» и являющейся постоянным членом Совета Безопасности ООН, обновить фундаментальные критерии *ius ad bellum* доктрины справедливой войны. Эксперимент продолжался около десяти лет и оказался безуспешным. Это говорит о том, что накопленные веками мудрость и опыт более устойчивы, чем точка зрения отдельного политика, основанная на его видении мира в определенный момент.

входят раненые или перемещенные лица.

¹⁹ По оценкам экспертов, с 2006 года в Мексике в результате организованного преступного насилия погибло 150 000 человек [Beittel 2019, 7]. Это более высокий показатель, чем число убитых в войнах на территории бывшей Югославии в 1991–2001 годах.

²⁰ Обвинения во вмешательстве России в президентские выборы в США в 2016 году широко распространены. Существует немало литературных источников, содержащих позиции за и против этих обвинений. Известны предупреждения о том, что *TikTok* (сегодня более популярный в США среди подростков, чем *Facebook*) используется как бэкдор (тайный вход) для китайского шпионского программного обеспечения (см.: [Dans 2020]).

По сути, причины войн и конфликтов не изменились. Конфликт – это стремление осуществить власть над противником, если не путем принуждения, то путем нанесения фактического вреда (как случилось с мелосцами, когда они отказались подчиняться принуждению афинян). Данное утверждение сохранило свою актуальность с того периода, когда оно сформулировано и проанализировано величайшими стратегическими мыслителями, такими как Сунь-Цзы и Клаузевиц. В спектре войн, от традиционных, ядерных, кибернетических до гибридных, одной константой является намерение нанести вред противнику и в результате осуществить власть. Все чаще вред не обязательно должен быть физическим ущербом инфраструктуре или людям, но он может быть не менее реальным.

Поэтому наш главный вывод заключается в том, что отказ от доктрины справедливой войны содержит риски. Как и демократия, такой механизм представляется несовершенным инструментом, но наиболее приемлемым. Однако, если эта доктрина не будет расширена, прежде всего, чтобы учитывать вред, причиненный некинетическими средствами, она рискует превратиться в инструмент, который будут применять в качестве прикрытия для отрицаемых наступательных некинетических действий.

Кроме того, более пристальное внимание необходимо уделить вопросу о размытом пространстве между войной и миром, чтобы установить обоснованные различия между войной и миром, законностью и незаконностью, этичным и неэтичным государственным управлением. Это имеет значение не только для международных отношений, но и для определения границ между гражданскими и военными законами внутри государств. Недавние конфликты, в том числе на Украине и в Афганистане, продемонстрировали, что существует опасный вакуум, возникающий в пространстве между тем, что мы когда-то считали «войной» и «миром». Вакуум все больше будет заполняться новыми и спорными явлениями (среди них – одностороннее присвоение статуса военного противника, широкое использование

военизированных спецслужб и частных военных подрядчиков), если и закон, и этика не изменятся, чтобы соответствовать изменяющемуся характеру войны.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гроций 1994 – *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.
- Истоки поведения... 2005 – Истоки поведения человека на войне // Международный Комитет Красного Креста. 2005. – URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/roots_of_behaviour.pdf
- Истоки сдержанности... 2019 – Истоки сдержанности человека на войне // Международный Комитет Красного Креста. 2019. – URL: https://www.icrc.org/ru/download/file/91059/4352_005_the-roots-of-restraint_web.pdf
- Beittel 2019 – *Beittel J.S.* Mexico: Organized Crime and Drug Trafficking Organizations // Congressional Research Service. 2019, December 20. – URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=832671>
- Blair 1999 – *Blair T.* The Blair Doctrine // Global Policy Forum. 1999, April 22. – URL: <https://archive.globalpolicy.org/empire/humanint/1999/0422blair.htm>
- Bloomfield 2019 – *Bloomfield S.* Tony Blair is Having Second Thoughts on War // Prospect. 2019, July 17. – URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/tony-blair-second-thoughts-war-iraq-liberal-interventionism>
- Brunk, Secrest, Tamashiro 1990 – *Brunk G.G., Secrest D., Tamashiro H.* Military Views of Morality and War: An Empirical Study of the Attitudes of Retired American Officers // International Studies Quarterly. 1990. Vol. 34. No. 1. P. 83–109.
- Cullen, Reichborn-Kjennerud 2017 – *Cullen P., Reichborn-Kjennerud E.* Understanding Hybrid Warfare // Multinational Capability Development Campaign. January 2017. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf
- Dans 2020 – *Dans E.* TikTok: Beneath Its Fun Exterior Lies A Sinister Purpose // Forbes. 2020, June 28. – URL: <https://www.forbes.com/sites/enriquedans/2020/06/28/tiktok-beneath-its-fun-exterior-lies-a-sinisterpurpose/?sh=4d11299a3b79#39357a53b792>
- Einarsen 2012 – *Einarsen T.* The Concept of Universal Crimes in International Law. – Oslo: Torkel Opsahl Academic Epublisher, 2012.
- Evans 2005 – *Evans M.* Moral Theory and the Idea of a Just War // Just War Theory: A Reappraisal / ed. by M. Evans. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 1–24.

Fisher 2011 – *Fisher D.* Morality and War. – Oxford: Oxford University Press, 2011.

Freedman 2017 – *Freedman L.* The Future of War: A History. – London: Penguin Random House, 2017.

Frowe 2015 – *Frowe H.* Reductive Individualism and the Just War Framework // Legal Philosophy between State and Transnationalism Seminar Series. 2015. No. 46. – URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/transnationalism_series/46

Grassegger, Krogerus 2017 – *Grassegger H., Krogerus M.* Fake News and Botnets: How Russia Weaponised the Web // The Guardian. 2017, December 2. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/dec/02/fake-news-botnets-how-russia-weaponised-the-web-cyber-attack-estonia>

Herzog 2011 – *Herzog S.* Revisiting the Estonian Cyber Attacks: Digital Threats and Multinational Responses // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4. No. 2. P. 49–60.

Kaldor 2007 – *Kaldor M.* New and Old Wars / 2nd ed. – Stanford: Stanford University Press, 2007.

Kampfner 2003 – *Kampfner J.* Blair's Wars. – London: The Free Press, 2003.

Kushner 2013 – *Kushner D.* The Real Story of Stuxnet // IEEE Spectrum. 2013. February 26. – URL: <https://spectrum.ieee.org/telecom/security/the-real-story-of-stuxnet>

Moseley 2011 – *Moseley A.* Legal Positivism // Encyclopedia of Military Ethics. 2011. – URL: <https://www.militaryethics.org/Legal-Positivism/8/>

Mumford, McDonald 2014 – *Mumford A., McDonald J.* Ambiguous Warfare // Development, Concepts and Doctrine Centre. October 2014.

Reichborn-Kjennerud, Cullen 2016 – *Reichborn-Kjennerud E., Cullen P.* What is Hybrid Warfare? // Norwegian Institute of International Affairs. Policy Brief. 2016. No. 1. – URL: <http://hdl.handle.net/11250/2380867>

Religious Education... 2010 – Religious Education in English Schools: Non-Statutory Guidance 2010 // Department for Children, School and Families. 2010. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/190260/DCSF-00114-2010.pdf

Rome Statute... 2011 – Rome Statute of the International Criminal Court. – The Hague: International Criminal Court, 2011. – URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf>

Sheehan 2018 – *Sheehan M.* How Google took on China – and lost // MIT Technology Review. 2018, December 19. – URL: <https://www.tech->

nologyreview.com/2018/12/19/138307/how-google-took-on-china-and-lost/

Singer 2015 – *Singer P.W.* Stuxnet and Its Hidden Lessons on the Ethics of Cyberweapons // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 2015. Vol. 47. No. 1. P. 79–86.

Smith 2005 – *Smith R.* The Utility of Force: The Art of War in the Modern World. – London: Allen Lane, 2005.

The Challenge of Peace... 1983 – The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response. A Pastoral Letter on War and Peace // National Conference of Catholic Bishops. 1983, May 3. – URL: <https://www.usccb.org/upload/challenge-peace-gods-promise-our-response-1983.pdf>

Van Puyvelde 2015 – *Van Puyvelde D.* Hybrid War – Does It Even Exist? // *NATO Review*. 2015. May 7. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2015/05/07/hybrid-war-does-it-even-exist/index.html>

Viner 2016 – *Viner K.* How Technology Disrupted the Truth // *The Guardian*. 2016, July 12. – URL: <https://www.theguardian.com/media/2016/jul/12/how-technology-disrupted-the-truth>

Walzer 1977 – *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. – New York: Basic Books, 1977.

Whetham 2016 – *Whetham D.* “Are We Fighting Yet?” Can Traditional Just War Concepts Cope with Contemporary Conflict and the Changing Character of War? // *The Monist*. 2016. Vol. 99. No. 1. P. 55–69.

REFERENCES

Beittel J.S. (2019, December 20) Mexico: Organized Crime and Drug Trafficking Organizations. *Congressional Research Service*. Retrieved from <https://www.hsdl.org/?view&did=832671>

Blair T. (1999, April 22) The Blair Doctrine. *Global Policy Forum*. Retrieved from <https://archive.globalpolicy.org/empire/humanint/1999/0422blair.htm>

Bloomfield S. (2019) Tony Blair is Having Second Thoughts on War. *Prospect*. Retrieved from <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/tony-blair-second-thoughts-war-iraq-liberal-interventionism>

Brunk G.G., Secrest D., & Tamashiro H. (1990) Military Views of Morality and War: An Empirical Study of the Attitudes of Retired American Officers. *International Studies Quarterly*. Vol. 34, no. 1, pp. 83–109.

Cullen P. & Reichborn-Kjennerud E. (2017) Understanding Hybrid Warfare. *Multinational Capability Development Campaign*. Retrieved from

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf

Dans E. (2020, June 28) TikTok: Beneath Its Fun Exterior Lies A Sinister Purpose. *Forbes*. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/enriquedans/2020/06/28/tiktok-beneath-its-fun-exterior-lies-a-sinisterpurpose/?sh=4d11299a3b79#39357a53b792>

Einarsen T. (2012) *The Concept of Universal Crimes in International Law*. Oslo: Torkel Opsahl Academic Epublisher.

Evans M. (2005) *Moral Theory and the Idea of a Just War*. In: Evans M. *Just War Theory: A Reappraisal* (pp. 1–24). New York: Palgrave Macmillan.

Fisher D. (2011) *Morality and War*. Oxford: Oxford University Press.

Freedman L. (2017) *The Future of War: A History*. London: Penguin Random House.

Frowe H. (2015) Reductive Individualism and the Just War Framework. *Legal Philosophy between State and Transnationalism Seminar Series*. No. 46. Retrieved from https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/transnationalism_series/46

Grassegger H. & Krogerus M. (2017, December 2) Fake News and Botnets: How Russia Weaponised the Web. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/technology/2017/dec/02/fake-news-botnets-how-russia-weaponised-the-web-cyber-attack-estonia>

Grotius H. (1994) *On the Law of War and Peace*. Moscow: Ladimir (Russian translation).

Herzog S. (2011) Revisiting the Estonian Cyber Attacks: Digital Threats and Multinational Responses. *Journal of Strategic Security*. Vol. 4, no. 2, pp. 49–60.

International Committee of the Red Cross. (2004) *The Roots of Behaviour in War: Understanding and Preventing IHL Violations*. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/publication/0853-roots-behaviour-war-understanding-and-preventing-ihl-violations>

International Committee of the Red Cross. (2018) *The Roots of Restraint in War*. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/publication/roots-restraint-war>

Kaldor M. (2007) *New and Old Wars* (2nd ed.) Stanford: Stanford University Press.

Kampfner J. (2003) *Blair's Wars*. London: The Free Press.

Kushner D. (2013, February 26.) The Real Story of Stuxnet. *IEEE Spectrum*. Retrieved from <https://spectrum.ieee.org/telecom/security/the-real-story-of-stuxnet>

Moseley A. (2011) Legal Positivism. *Encyclopedia of Military Ethics*. Retrieved from <https://www.militaryethics.org/Legal-Positivism/8/>

Mumford A. & McDonald J. (2014) Ambiguous Warfare. *Development, Concepts and Doctrine Centre*.

Reichborn-Kjennerud E. & Cullen P. (2016) What is Hybrid Warfare? *Norwegian Institute of International Affairs. Policy Brief*. No. 1 (2016). Retrieved from <http://hdl.handle.net/11250/2380867>

Department for Children, School and Families. (2010) *Religious Education in English Schools: Non-Statutory Guidance 2010*. Retrieved from https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/190260/DCSF-00114-2010.pdf

Rome Statute of the International Criminal Court. (2011) The Hague: International Criminal Court, 2011. Retrieved from <https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf>

Sheehan M. (2018, December 19) How Google Took on China – and Lost. *MIT Technology Review*. Retrieved from <https://www.technologyreview.com/2018/12/19/138307/how-google-took-on-china-and-lost/>

Singer P.W. (2015) Stuxnet and Its Hidden Lessons on the Ethics of Cyberweapons. *Case Western Reserve Journal of International Law*. Vol. 47, no. 1, pp. 79–86.

Smith R. (2005) *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World*. London: Allen Lane.

National Conference of Catholic Bishops. (1983, May 3) *The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response. A Pastoral Letter on War and Peace*. Retrieved from <https://www.usccb.org/upload/challenge-peace-gods-promise-our-response-1983.pdf>

Van Puyvelde D. (2015, May 7) Hybrid War – Does It Even Exist? *NATO Review*. Retrieved from <https://www.nato.int/docu/review/articles/2015/05/07/hybrid-war-does-it-even-exist/index.html>

Viner K. (2016, July 12) How Technology Disrupted the Truth. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/media/2016/jul/12/how-technology-disrupted-the-truth>

Walzer M. (1977) *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books.

Whetham D. (2016) “Are We Fighting Yet?” Can Traditional Just War Concepts Cope with Contemporary Conflict and the Changing Character of War? *The Monist*. Vol. 99, No. 1, pp. 55–69.